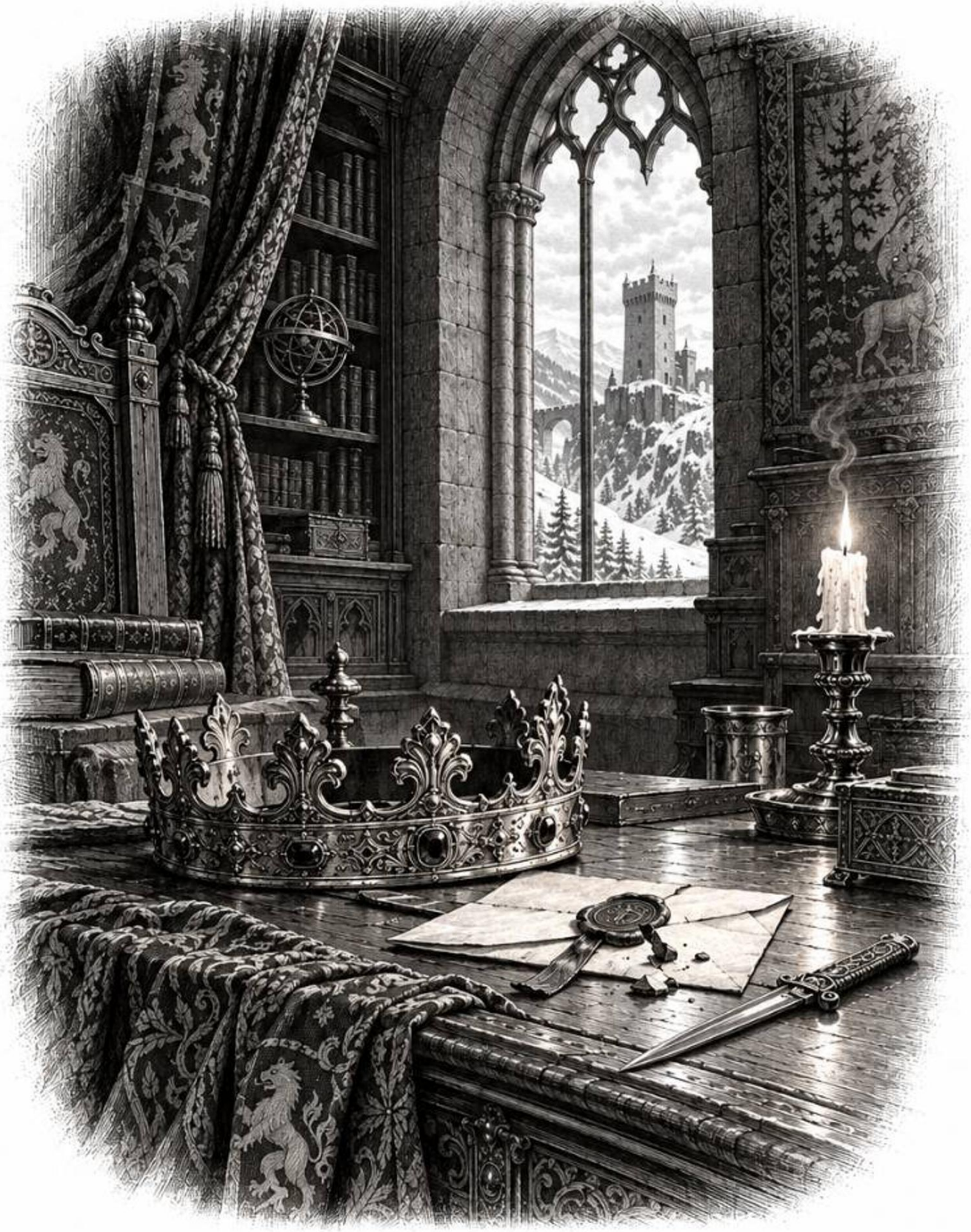
СЕРГЕЙ РУЧКИН

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО КОРОЛЯ

ДЕТЕКТИВНОЕ ФЭНТЕЗИ

Сергей Ручкин

Последнее слово короля

«Автор»
2026

Ручкин С. А.

Последнее слово короля / С. А. Ручкин — «Автор», 2026

Король Эдран найден мёртвым в собственном кабинете. Дверь заперта изнутри, окна закрыты, а единственный ключ обнаружен в кармане погибшего.Расследовать загадочную смерть предстоит Жанне Ровель — женщине, которую сам король незадолго до гибели пригласил в крепость Вейр.Но в этом мире смерть не всегда означает молчание. Древний обряд позволяет задать погибшему последний вопрос и услышать ответ.Казалось бы, что может быть проще, чем спросить у самого короля, кто его убил? Однако произнесённое им слово превращает расследование в опасную игру, где каждый скрывает свои тайны, а истина оказывается гораздо сложнее, чем кажется.Мёртвые не умеют лгать. Но всегда ли им можно верить?

© Ручкин С. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Письмо короля 5
Пролог 6
Глава I 11
Глава II 19
Глава III 28
Глава IV 38
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Сергей Ручкин
Последнее слово короля

Письмо короля

Госпожа Жанна Ровель,

при дворе мне советуют пригласить лекаря. Я предпочёл пригласить вас.

Прошу без промедления прибыть в крепость Вейр. У меня есть основания опасаться за свою жизнь. Однако дело, которое я намерен вам поручить, началось задолго до этой угрозы и касается людей, чьими судьбами слишком долго распоряжались без их согласия.

Мне известны ваши расследования. Вы умеете доводить до конца вопросы, которые другие предпочитают считать решёнными. Здесь вам понадобится именно это умение.

Прилагаемый приказ даёт вам право осматривать мои покои, изучать бумаги и задавать вопросы любому человеку под этой крышей. Происхождение и должность не освобождают от ответа.

Если к вашему приезду я умру, приказ остаётся в силе. Вознаграждение вам выплатят независимо от того, чьё имя окажется в вашем заключении.

В таком случае прошу присутствовать при последнем вопрошании. Если я заговорю после смерти, выслушайте меня так же внимательно, как любого другого свидетеля.

Эдран,
король Семи долин

Пролог

Груши для королевы

На стол поставили две тарелки.

Эдран заметил вторую, когда служанка потянулась к кубку у пустого кресла.

— Там не наливай.

Девушка остановилась. Струйка вина сорвалась с носика кувшина и упала на скатерть.

Король посмотрел на пятно.

— Второй прибор убери.

Он сидел возле камина, положив ладонь на больное колено. Даже теперь, когда за последние месяцы одежда стала ему свободна, широкие плечи почти закрывали спинку кресла. Волосы над висками побелели, но брови оставались тёмными. Глубокая складка между ними заставляла людей понижать голос ещё до того, как он начинал сердиться.

Мара поставила кувшин и взяла тарелку.

— Госпожа Вейна сказала, к вам придут.

— Придут. Ужинать я буду один.

— Да, ваше величество.

Он мог бы этим ограничиться. За дверью ждали распоряжений, на столе в кабинете лежали бумаги, а ниже, в большом зале, его сын, вероятно, уже злился из-за нового промедления.

— Почему нет груш? — спросил Эдран.

Мара посмотрела на блюда. На мясо под серебряной крышкой, на хлеб, на маленькую чашу с густым соусом.

— Узнать на кухне?

— Нет.

Он ответил слишком резко. Девушка прижала тарелку к переднику.

Груши в это время года привозили с юга, завёрнутыми по одной в тонкую бумагу. Они пахли погребом и соломой. Его жена выбирала самые твёрдые, разрезала на четыре части и оставляла сердцевины на краю тарелки. Эдрана раздражало, что она брала нож за столом сама, хотя рядом стоял слуга.

Теперь ему было трудно вспомнить причину этого раздражения.

— Мара.

Она подняла голову.

Свет от огня падал на узкое лицо и покрасневшие веки. Волосы были убраны под платок; у виска выбилась короткая прядь. В этой комнате, среди тяжёлых кресел и портретов в человеческий рост, девушка казалась младше своих лет. Только руки, уверенно державшие стопку посуды, выдавали давнюю привычку к работе.

Эдран попробовал встать. Боль ударила от колена к бедру, и он задержал дыхание, ухватившись за подлокотник.

Мара шагнула к нему.

— Не надо.

Она остановилась.

Он поднялся сам и дождался, пока сможет отпустить кресло.

— После ужина далеко не уходи. Возможно, я тебя позову.

— Я буду наверху.

— И поешь, пока на кухне всё не остыло.

Мара поклонилась. У двери она чуть повернула голову, словно собиралась что-то спросить, но вышла молча.

Эдран постоял возле стола. Поправил нож, лежавший неровно рядом с его тарелкой.

На каминной полке находился портрет жены.

Художник сделал её нос тоньше, сгладил подбородок, убрал складку между бровями. Королева на портрете была покойна и терпелива. За двадцать лет брака Эдран редко видел её такой.

Он повернул рамку лицом к стене.

Из-за неё показалась полоска чистого камня, светлее остальной полки. Портрет стоял здесь одиннадцать лет.

Эдран вернул его на место.

Сын пришёл, когда мясо остыло.

Остановился у двери, не снимая перчаток. Чёрный камзол был застёгнут до горла. Тёмные волосы, ещё влажные после умывания, зачёсаны назад; одна прядь уже упала на лоб. От отца ему достались брови и привычка поднимать подбородок перед неприятным разговором. В остальном он был похож на мать.

— Сядь, — сказал Эдран.

— Я постою.

— Тогда перестань держаться за дверь. Ты не под арестом.

Сын убрал руку с ручки, но остался на месте.

— Северин велел мне прийти за решением.

— Северин может подождать.

— Он сказал, посланники хотят уехать утром.

— Пусть уезжают.

Юноша нахмурился.

— Ты не подпишешь договор?

— Сегодня — нет.

— А завтра?

Эдран отодвинул нетронутую тарелку.

— Брак не состоится только потому, что трое посланников устали от наших гостевых комнат.

Сын подошёл к столу. Снял одну перчатку, потом принялся стягивать вторую. Пальцы не слушались.

— Ты сам сказал, что всё решено.

— Я помню.

— Сказал, что я должен думать о долинах. Что моё желание не имеет значения.

— Я помню, что говорил.

Голос короля стал громче. Юноша выпрямился, и Эдран увидел, как быстро исчезло с его лица только что возникшее ожидание.

Из коридора донёсся звон ключей. Оба дождались, пока он стихнет.

— Сегодня ничего не подписывай, — произнёс Эдран. — Даже если тебе скажут, что я уже согласился. Сначала приди ко мне.

— Почему?

Король посмотрел на пустое кресло.

— Мне нужно проверить несколько вещей.

Сын медленно натянул перчатку обратно.

— Ты мог бы хоть раз сказать мне, что происходит.

— Мог бы.

Ответ застал его врасплох.

Эдран видел это и понимал, что сейчас ещё можно продолжить. Попросить сесть. Позвать слугу, чтобы принёс вторую тарелку. Начать с того, что уже нельзя будет взять назад.

Но за открытой дверью прошли двое с подсвечниками. Один поклонился, заметив короля. Второй едва не уронил свечи, пытаясь сделать то же самое.

— Утром поговорим, — сказал Эдран.

Сын отвёл глаза.

— Конечно.

Это слово было произнесено с такой усталостью, что король впервые почувствовал себя старше собственных лет.

У порога юноша остановился.

— Ты ведь опять не поел.

Эдран потянулся к хлебу.

— Видишь?

Сын не улыбнулся. Но дверь за собой закрыл осторожно.

В малом кабинете горели две свечи.

За окном ветер гнал снег вдоль зубцов стены. На северной башне сменяли караул: огонёк фонаря медленно двигался между бойницами, исчезал и появлялся снова. Под башней лежала дорога, по которой сегодня уже никто не приехал.

Эдран поставил возле кресла трость. Корона с семью узкими листьями лежала на дальней полке, рядом с перчатками. После утреннего совета он велел убрать её с письменного стола: под тяжёлый обод попал край документа, и на бумаге осталось продавленное полукружие.

Теперь он сидел перед этим листом и разглаживал его ладонью.

На углу стола находился дорожный футляр из потемневшей кожи. Эдран открыл крышку. Из-под сложенных бумаг выступал край синей ленты.

Он некоторое время смотрел на неё, затем достал верхний лист. Прочёл. Перевернул. Поднёс к огню.

Бумага начала темнеть ещё до того, как коснулась пламени.

Эдран отвёл руку.

На краю осталась коричневая полоса.

Он положил лист обратно и закрыл футляр.

Из стопки слева выбрал черновик, написанный рукой Лорана. Рядом положил чистую бумагу. Писать длинное письмо самому было неразумно: кисть уже ныла, а мелкая дрожь появлялась всякий раз, когда он слишком крепко сжимал перо.

Эдран придвинул свечу.

«Сыну моему».

Первые слова вышли ровно. Дальше перо остановилось.

Он перечитал обращение, словно в нём недоставало чего-то важного. Потом опустил кончик пера к следующей строке и почувствовал, как дёрнулась рука. На чистую бумагу упала капля чернил.

Стук в дверь заставил его выпрямиться.

— Войдите.

Ренн остановился на пороге. Плащ на нём потемнел от мокрого снега. Возле уха виднелся свежий порез; капитан, очевидно, забыл о нём и стёр выступившую кровь рукавом.

— Караул сменился, ваше величество.

— С нижней дороги есть вести?

— Только обоз с мукой.

— А с переправы?

— Пока нет.

Эдран положил перо.

— Если прибудет Жанна Ровель, впустите немедленно. Неважно, который будет час.

— Стража предупреждена.

— И сразу ко мне. Пусть не ждёт, пока ей приготовят комнату и разыщут Северина.

Ренн посмотрел на короля внимательнее.

— Поставить человека у вашей двери?

— Нет.

— Вы сами говорили об опасности.

— И не просил повторять мои слова в коридорах.

— Я их там не повторял.

Эдран поднял глаза.

Капитан стоял спокойно, с мокрым плащом в руке. Ни оправданий, ни поспешного поклона. Когда-то король именно за это приблизил его к себе.

— Сегодня я ещё жду одного человека, — сказал он. — Пропусти без доклада.

Ренн подошёл к столу. Эдран назвал имя негромко.

Капитан помедлил.

— После разговора позовите меня.

— Позову. И пришли Лорана. Мне нужно закончить письмо.

Эдран попытался взять перо, чтобы отодвинуть его с испачканного листа. Оно выскользнуло из пальцев. Ренн шагнул ближе, но король уже придержал правую руку левой.

— Просто пришли Лорана.

— Да, ваше величество.

Капитан вышел.

Эдран дождался, пока стихнут шаги, и подвинул черновик к незавершённому письму. Сравнил первые строки. Теперь человеку, который придёт записывать, не придётся спрашивать, с чего начать.

Он обернулся к окну.

Фонарь на башне остановился.

Дверь открылась без стука.

Эдран узнал шаги и остался сидеть. Из коридора потянуло холодом; пламя ближайшей свечи легло почти горизонтально, потом выпрямилось.

— Всё-таки ждёте её сегодня?

— Жду.

— А если она не приедет?

— Приедет завтра.

Дверь закрылась.

Эдран повернулся. Он ожидал упрёков и заранее приготовился их оборвать. Но молчание затянулось, и приготовленные слова стали казаться нелепыми.

— Что вы ей написали?

— Достаточно, чтобы она захотела приехать.

— Захотела?

— Я дал ей право задавать вопросы. Приехать или нет — решать ей.

— Конечно. Особенно ваше.

Король положил ладонь на письмо сыну, закрыв кляксу.

— Если есть что сказать, говори.

Некоторое время слышно было только, как шуршит снег за стеклом.

— Покажите, что вам прислали.

Эдран посмотрел на кожаный футляр.

— Ты уже видела рисунок.

— Я прошу показать всё.

Он снял руку с письма.

— Осторожнее.

Предупреждение прозвучало привычно. Обычно после него люди опускали глаза или начинали подбирать другие слова.

Теперь этого не произошло.

— Эдран. Здесь больше некому бояться вашего голоса.

Он почувствовал, как возвращается боль в ноге, и поставил ступню иначе. Стало хуже.

— Чего ты хочешь?

— Откройте футляр.

Король коснулся застёжки. Пальцы соскользнули с гладкого металла.

Через стол протянулась рука.

— Давайте помогу.

Он накрыл крышку ладонью.

— Сначала ответь мне на один вопрос.

Рука остановилась.

Эдран больше не повышал голоса.

— Откуда ты знала имя женщины, за которой я ещё не успел послать?

Глава I

ДО ПЕРВОГО СНЕГА

На последней почтовой станции Жанне сказали, что король умер позавчера.

Через минуту выяснилось, что вчера.

Она поставила чашку на стол.

— Давайте сначала, — сказала она. — Когда приезжал всадник?

Хозяйка перестала подливать горячую воду в чайник.

— Утром. Вы бы поели, госпожа, дорога ещё долгая.

— Поем. Сегодня утром?

— Сегодня. Как раз хлеб вынула.

Над дверью висела чёрная полоса ткани. Один конец был подшит, другой неровно обрезан. На краю осталась светлая петля от старого передника.

Жанна взглянула на неё, затем снова на хозяйку.

— Вы сами с ним разговаривали?

— Муж. Он лошадей выводил. А я здесь была, вон там, возле печи.

— Позовите его, пожалуйста.

Женщина прижала ладонь к переднику.

— Да разве мы стали бы выдумывать такое?

— Я не думаю, что вы выдумали. Но мне важно знать, что сказал всадник, а что вам рассказали потом.

Хозяйка посмотрела на королевскую печать, которую Жанна положила рядом с чашкой, и вышла во двор.

В комнате остались треск поленьев и тяжёлое дыхание возницы. Он сидел у двери над миской похлёбки, обеими руками придерживая её за края.

— Зря вы, — сказал он. — В крепости всё объяснят.

Жанна разломила хлеб.

— Хотелось бы приехать туда с одним известием, а не с двумя.

До Вейра оставалось часа три. За окном было ещё светло, но на дороге уже застывала колея. Возница собирался выезжать немедленно, как только закончит есть, и каждые несколько ложек смотрел на дверь, проверяя, не собирается ли Жанна задержаться здесь до весны.

Хозяин вошёл с ремнём в руках. На висках у него блестел пот, хотя от одежды тянуло холодом.

Жанна попросила его повторить слова гонца.

— «Король умер. Вывесить чёрное. Дальше на юг я сам передам». Вот так и сказал.

— Он назвал день?

— Вчера. После вечернего караула.

— А позавчера?

Хозяин нахмурился.

— Позавчера к мосту людей отправили. Опору подмывает. Жена, верно, перепутала. Он и об этом говорил.

Хозяйка поставила перед Жанной сыр с таким видом, словно сыр должен был прекратить дальнейшие расспросы.

— Вон сколько всего случилось.

— Разумеется, — сказала Жанна. — Гонец приехал из крепости прямо сюда?

— Да. Конь был мокрый весь. Сменили, через четверть часа уехал.

— Сколько было времени?

— Второй утренний колокол только отзвонили.

Жанна открыла маленькую книжку. Записала день, час, имена хозяев и несколько слов гонца. На отдельной строке отметила, что сама его не видела.

— А что с королём случилось? — спросил хозяин.

— Мне ещё предстоит узнать.

— Нам сказали, сердце.

— Кто сказал?

Мужчина посмотрел на жену. Та — на возницу.

Возница медленно опустил ложку.

— Я сказал: может, сердце. Он ведь немолодой был.

Жанна закрыла книжку.

— Значит, причину пока не знаем.

Она поблагодарила хозяев и доела хлеб. Аппетита не было, но впереди оставался долгий день, и о следующем приёме пищи никто пока не позаботился.

Шесть дней назад ей вручили письмо человека, опасавшегося за свою жизнь.

Вчера этот человек умер.

Она выехала на следующее утро после получения письма. Дальше были сломанная ось, переправа, которую открыли только к полудню, и дорога, где лошадей пришлось вести под уздцы. Всё это объясняло задержку. Ни одно объяснение не помогало ей сейчас спокойно смотреть на королевскую подпись.

Жанна развернула лист.

«Если к вашему приезду я умру, приказ остаётся в силе».

Ниже — просьба присутствовать при последнем вопрошании.

Она прочла её ещё раз и убрала письмо.

— Можно будет отправить отсюда записку в Арвен? — спросила она.

— Завтра с почтой, — ответил хозяин.

Жанна взяла чистый лист.

В карете пахло мокрой шерстью и кожей.

На станции Жанна успела написать мужу всего несколько строк: до Вейра добралась почти без приключений, о короле пришли дурные вести, домой вернётся позднее, чем надеялась. Слово «почти» она сначала зачеркнула, потом вписала снова.

Серхио всё равно спросил бы, что именно сломалось.

Теперь она достала его письмо — другое, без герба и должностей, сложенное так, чтобы поместилось в маленький внутренний карман дорожной сумки.

Он оставил его среди её бумаг перед отъездом. Она нашла лист только на второй день, когда искала расписку за сменных лошадей.

«Лисёнок мой,

ты, наверное, сейчас объясняешь кому-нибудь, почему совершенно необходимо выехать до рассвета. Надеюсь, тебе хотя бы дали позавтракать.

Протекающую крышу я починю. Не присылай мне с дороги подробный план: я помню, где у нас лестница.

Напиши, когда доберёшься. Можно коротко. Только не одно твоё “всё хорошо”, после которого обычно выясняется, что мост смыло, лошадь потерялась, а ночевала ты в комнате без окна.

Я знаю, что ты справишься. Если будет тяжело — об этом тоже можно написать.

Дома всё на месте. Твоя чашка стоит возле моей.

Люблю тебя.

Серхио».

На станции Жанна действительно начала записку словами «всё хорошо».

Она улыбнулась и прислонилась затылком к стенке кареты. На мгновение представила кухню, две чашки, Серхио у окна. Он читал бы её письмо не торопясь, потом перевернул лист — проверить, не дописала ли она что-нибудь на обороте.

Ей захотелось рассказать ему про чёрный передник над дверью и про то, как слух о больном сердце возник прямо у неё на глазах. Такие вещи Серхио слушал внимательно. Он редко задавал много вопросов, но иногда одним заставлял её вернуться к тому, что она сама пропустила.

Колесо ударилось о камень.

Жанна подхватила сумку, сползшую с сиденья, и спрятала письмо. Королевское лежало отдельно, в жёсткой обложке вместе с приказом.

За стеклом показалась первая башня.

Крепость Вейр оказалась ниже и шире, чем на гравюрах.

Башни не взлетали над скалой — тяжело стояли на ней, расширяясь к основанию. Между зубцами лежал старый лёд. Внизу, под мостом, шумела река. Из-за ранних сумерек Жанна видела только отдельные белые всплески и чёрную воду между ними.

С гербового щита над воротами свисало траурное полотно. Оно закрывало нижние ветви серебряного дерева. Семь верхних оставались открыты: знак того, что власть короля переживает его тело.

Жанна когда-то видела такой же щит в южном городе. Тогда смена власти закончилась тремя разными распоряжениями об аресте одного человека. Подписавшие их чиновники уверяли, что действовали исключительно ради порядка.

Карета остановилась.

Она вышла прежде, чем солдат успел попросить её об этом, и откинула капюшон. Ветер сразу растрепал тёмные волосы, выбившиеся из дорожной причёски. Жанна убрала прядь за ухо и протянула приказ подошедшему офицеру.

Холод окрасил щёки и кончик носа. Мягкие очертания лица, полные губы и открытый взгляд часто заставляли незнакомых людей начинать разговор с ней снисходительным тоном. Обычно это проходило после нескольких вопросов.

Офицер прочёл приказ до конца.

— Госпожа Ровель?

— Да.

— Капитан Ренн. Вас ожидали раньше.

Её тёмно-карие, чуть вытянутые к вискам глаза поднялись от его рук к лицу.

— Тогда письмо следовало вручить раньше.

Ответ вышел резче, чем она намеревалась. Ренн посмотрел на неё без удивления. Он был широкоплеч, коротко острижен; у висков виднелась седина. На обветренном лице особенно заметным казался свежий порез возле уха.

— Когда вы его получили?

— Двадцать шестого. Утром.

Капитан задержал взгляд на приказе.

— Проезжайте.

Он отступил и велел солдату открыть ворота.

Жанна вернулась в карету. Раздражение не прошло, но теперь к нему прибавился вопрос: почему Ренн уточнил день получения, а затем ничего не сказал?

Она запомнила его лицо в этот момент.

Во дворе ждала Мара с фонарём.

— Госпожа Жанна? Мне велено проводить вас.

Она поклонилась, и свет качнулся, выхватив мокрый подол и красные пальцы. У виска из-под платка выбилась прядь. Девушке было лет двадцать пять, возможно, чуть больше; в неверном свете трудно было разобрать.

— Давно стоите? — спросила Жанна.

— Недавно.

У Мары стучали зубы.

— Тогда пойдёмте быстрее. Иначе придётся звать кого-нибудь, чтобы проводили уже нас обеих.

Мара улыбнулась и подняла фонарь.

Внутри пахло воском, хлебом и нагретой шерстью.

Солдаты у дверей говорили вполголоса, но дальше, за стеной, кто-то сердито требовал вернуть медный котёл. В глубине коридора женщина с охапкой белья окликнула мальчика, который пытался проскользнуть мимо неё с пустой корзиной.

Жанна ощутила, как понемногу оттаивают пальцы.

На лестнице им пришлось пропустить двух слуг с узким столом. Мара прижалась к стене. Фонарь она держала так, чтобы свет падал несущим под ноги.

— Вы служили королю? — спросила Жанна, когда они поднялись выше.

— Подавала наверх. С осени.

— Видели его вчера?

— За ужином.

Жанна остановилась на площадке.

— Вы можете вспомнить, что он говорил? Не то, что потом рассказывали другие. Что слышали сами.

Мара посмотрела на неё.

— Спросил, почему нет груш.

— Он любил груши?

— Королева любила.

— Вы прислуживали и ей?

— Нет. Она умерла одиннадцать лет назад.

Снизу донёсся стук: слуги задели столом перила.

— Откуда вы знаете, что она любила? — спросила Жанна.

— Леди Адела говорила. Иногда велит принести их в свои комнаты.

— Понятно. Ещё что-нибудь необычное за ужином?

Мара поправила ручку фонаря.

— Не знаю, что вы считаете необычным.

Жанна кивнула. Это был справедливый ответ.

— Я поговорю с вами подробнее позже. Сейчас вам нужно переобуться.

Они дошли до дубовой двери.

— Ваши комнаты, госпожа.

— Попросите сухую обувь. Если откажут, скажите, что я попросила. Мне понадобится ваша помощь, а с мокрыми ногами долго по лестницам не побегаешь.

Мара посмотрела на собственный подол.

— Спасибо.

Жанна придержала дверь, пропуская её с фонарём вперёд.

В комнате горел камин.

На столе стояли кувшин с горячей водой, хлеб, сыр и разрезанная груша. Возле подноса лежала карточка.

«Госпоже Жанне. Добро пожаловать в Вейр».

Буквы были выведены старательно, с сильным нажимом. В начале имени перо зацепило бумагу и оставило крошечный надрыв.

Жанна взяла карточку за угол. Оборот был чист.

— Кто это написал?

Мара обернулась от камина.

— Не знаю. Мне дали положить возле подноса.

— Кто дал?

— Госпожа Вейна.

Жанна положила карточку обратно.

За дверью раздались шаги. Вошла высокая седая женщина с ключами на поясе. Волосы были убраны так туго, что кожа возле висков натянулась. Она посмотрела на огонь, на поднос, затем на мокрые башмаки Мары.

— Я Вейна, распорядительница покоев. Лорд-регент ждёт вас в библиотеке.

— Я готова идти, — сказала Жанна. — Мне понадобится горячая вода позже. И сухая обувь для девушки.

— Мара может взять её внизу.

— Хорошо.

Мара вышла. Ключи на поясе Вейны звякнули; та сразу накрыла их ладонью.

Жанна вымыла руки и промокнула лицо полотенцем.

— Кабинет короля охраняется?

— Да.

— Кто-нибудь входил туда после обнаружения тела?

— Те, кому это было положено.

— Мне понадобятся их имена. И я хочу осмотреть комнату до вопрошания.

Вейна чуть подняла подбородок.

— Кабинет запечатан по распоряжению лорда-регента.

Жанна убрала полотенце.

— Значит, начнём с него.

Она взяла приказ и записную книжку. Письмо Серхио осталось в дорожной сумке, под сложенными перчатками.

В библиотеке было слишком жарко.

Возле камина стоял молодой человек в чёрном камзоле. Он держал руку на полке, поджимая пальцы под ладонь, словно старался не выдать дрожи. Тёмная прядь упала на лоб. Жанна узнала семейную черту по портрету короля над дверью: тяжёлые брови на совсем ещё молодом лице.

За столом сидела женщина лет пятидесяти. Она сворачивала полоску бумаги, разглаживала её и сворачивала снова. Каштановые волосы были густо тронуты сединой. Сходство с человеком на портрете заметила бы и менее внимательная гостья.

Третий человек поднялся навстречу.

Он был гладко выбрит, аккуратно причёсан и одет в чёрное без украшений, кроме небольшой застёжки у горла. Мягкие складки возле рта придавали его лицу располагающее выражение.

— Лорд Северин, хранитель печати и регент до коронации. Благодарю, что приехали. Его высочество принц Леон. Леди Адела, сестра покойного государя.

Жанна поклонилась.

— Жанна Ровель. Примите мои соболезнования.

Принц кивнул. На секунду перестал сжимать пальцы.

— На станции мне сообщили, что король умер вчера вечером, — продолжила она. — Это верно?

— Между девятым и десятым часом, — ответил Северин. — Прошу, садитесь.

Жанна села, положив книжку на колени.

— Что произошло?

— Его величество обнаружили на полу малого кабинета. Дверь была заперта изнутри. Окна также. Ключ нашли у него в кармане.

— Кто открыл дверь?

— Капитан Ренн приказал сломать замок.

— Почему решили входить силой?

— Мы услышали, как что-то упало, — сказал принц. — Потом отец закричал.

Жанна повернулась к нему.

— Вы стояли рядом с дверью?

— Подходили. С госпожой Вейной.

— Он произнёс какое-нибудь слово?

— Нет. Просто…

Леон сжал губы. Посмотрел на огонь.

— Вам не нужно изображать этот звук, — сказала Жанна. — Пока достаточно того, что вы услышали его после падения. Позже я попрошу вас вспомнить последовательность подробнее.

Он кивнул.

Северин придвинул ей чашку, но наливать не стал.

— Мы надеемся избежать необходимости снова возвращаться к этим обстоятельствам. Вопрошание назначено на полночь.

— Кто будет его проводить?

— Хранительница Ильва. Вопрос задаст его высочество.

Жанна посмотрела на принца.

— Вы уже решили, какой?

— Кто убил моего отца.

Она записала.

— Лекарь установил, что это убийство?

Северин положил ладонь на край стола.

— Обстоятельства не оставляют большого пространства для сомнений.

— Тогда мне нужно их увидеть.

— После обряда у нас будет ответ.

— До обряда остаётся несколько часов. За это время люди забудут, кто куда входил, посуду вымоют, вещи переложат. Часть этого, возможно, уже произошло.

— Кабинет охраняется.

— Хорошо. Тем проще будет осмотр.

Адела перестала сворачивать бумагу.

— Вы не слишком доверяете последнему слову?

— Я хочу точно знать, о чём спрашиваю.

— Мёртвый не может солгать.

Жанна посмотрела на женщину.

— На одном вопрошании, где я присутствовала, вдова спросила, куда муж спрятал деньги. Он ответил: «Туда же».

Леон поднял голову.

— И что?

— Пришлось искать. Он не солгал, но другого вопроса задать уже было нельзя.

Уголок рта Аделы дрогнул. Она опустила глаза на смятую полоску.

Жанна развернула королевский приказ и положила перед Северином.

— Я осмотрю тело и кабинет. Затем поговорю с теми, кто видел короля вчера вечером. По отдельности. К полуночи вернусь сюда или в часовню — куда вы скажете.

Северин прочёл документ. Она не торопила.

За стеной затихли шаги, потом раздался негромкий скрип двери.

— Капитан вас проводит, — сказал регент.

— Благодарю. И прошу до осмотра ничего не мыть и не выбрасывать из соседних комнат. Включая полотенца и содержимое подносов.

— Вы полагаете, там есть что-то важное?

— Пока я этого не знаю.

Жанна забрала приказ. Уже у двери её остановил голос принца.

— Если отец успел что-нибудь сказать…

Он замолчал.

Она повернулась.

— Я постараюсь выяснить, кто и что слышал. И отдельно отмечу то, в чём мы не сможем быть уверены.

Леон посмотрел на неё внимательнее.

— Хорошо.

Ренн ждал в коридоре.

— Кабинет?

— Сначала тело. Лекарь ещё здесь?

— В часовне.

Они пошли рядом. Из неплотно закрытого окна тянуло холодом. На подоконнике медленно таяла горстка снега.

— У ворот вы спросили, когда я получила письмо, — сказала Жанна. — Почему?

— Оно должно было прийти раньше.

— Кто его отправлял?

— Гонец Терен. Я выдал ему дорожное разрешение и велел приготовить лошадей.

— Когда он выехал?

— Девятнадцатого. До рассвета.

Жанна остановилась.

Ренн прошёл ещё два шага и обернулся.

— Что?

Она достала письмо из обложки. В отличие от приказа, его приходилось часто разворачивать; один сгиб уже начал надрываться.

— Вы помните день точно или приблизительно?

— Точно. Выдавали жалованье. Терен получил своё перед дорогой, я разрешил.

— Он мог везти другое письмо?

— Король назвал ваше имя. Ведомость сохранилась, можем проверить.

— Проверим.

Жанна подошла к окну и повернула лист к свету.

Под текстом стояло двадцать первое число.

Ренн увидел дату. Прочёл ещё раз, словно во второй раз она могла измениться.

— Ошибка, — сказал он.

— Возможно. Принесите ведомость и запись о выдаче лошадей. Мне нужны обе.

Она не стала высказывать остальные объяснения. Капитан и сам уже смотрел на письмо иначе.

В глубине крепости ударили часы.

Жанна дождалась, пока отзвучит последний удар, и осторожно сложила лист. Сначала тело. Затем кабинет. После — дорога, по которой письмо добиралось к ней целую неделю.

Если Ренн помнил верно, гонец покинул Вейр за два дня до даты, поставленной под королевской подписью.

Глава II

СЛОМАННЫЙ ЗАМОК

Ренн остановил солдата у лестницы.

— Принеси из караульной книгу за девятнадцатое число. И дорожное распоряжение, по которому выехал Терен. Всё, что к нему приложено.

— Куда, капитан?

— К малому кабинету. Найдёшь меня там.

Солдат ушёл.

— Сам гонец вернулся? — спросила Жанна.

— Нет.

— Его искали?

— Запрос отправлен на переправу. Ответа пока нет.

— Как он выглядит?

— Рыжий, худой. Не хватает переднего зуба. Восемь лет здесь служит.

Жанна вспомнила человека на пороге гостиницы. Мокрые тёмные волосы. Бороду. Глубокую складку возле рта. Он держал письмо левой рукой, а правую так и не вынул из-под плаща.

Улыбался ли он, она не помнила.

— Мне письмо вручил другой человек.

Ренн повернулся к ней.

— Вы уверены?

— В цвете волос и бороде — да. Я опишу его письменно. Пусть хозяин гостиницы тоже даст описание, независимо от моего.

Капитан некоторое время молчал.

— Терен мог передать пакет другому.

— Мог. Сначала найдём обоих. И выясним, кому разрешалось принять у него письмо.

Они спустились ещё на один пролёт.

Жанна чувствовала, как хочется остановиться прямо здесь и разложить перед собой все даты. Письмо отправили раньше, чем значилось под подписью. Доставил его другой человек. В дороге оно задержалось. Каждая подробность требовала немедленного объяснения.

Но до полуночи оставалось мало времени, а тело короля после обряда могли унести в усыпальницу.

— Кто был у него вчера вечером? — спросила она.

— Орвен. Наследник. Я. Леди Адела. Вейна приносила свечи.

— Кого из них вы видели сами?

Ренн подумал.

— Леона, когда он выходил из столовой. Аделу у кабинета. Вейну — позже, в коридоре.

— Об остальных поговорим отдельно. Адела вошла при вас?

— Я видел, как открылась дверь. Король велел пропустить её без доклада.

— Как она уходила, вы тоже видели?

— Нет.

Он произнёс это тише прежнего.

Жанна отметила ответ, но не стала расспрашивать дальше. Перед ними уже были двери часовни.

Орвен сидел на скамье между двумя стражниками.

На коленях у него лежала книга. Он придерживал страницу пальцем, но глаза были закрыты. При звуке шагов лекарь поднял голову сразу, словно всё это время прислушивался.

— До обряда ещё…

— Госпожа Ровель хочет осмотреть короля, — сказал Ренн.

Орвен закрыл книгу.

Это был пожилой человек в коричневом шерстяном платье. На локтях ткань блестела от долгого ношения. Лицо широкое, усталое, с мягкими складками под глазами; короткие седые волосы примялись с одной стороны. Вставая, он опёрся ладонями на колени и не сразу разогнул спину.

— Руки вымойте, — сказал он Жанне. — Вода холодная, другой пока нет.

Она сняла перчатки.

Пока Жанна умывала кисти, Орвен снял с гвоздя чистое полотно. Двигался он без торопливости, но всё необходимое оказывалось под рукой раньше, чем приходилось просить.

— Вы давно его лечили?

— Самого короля — двадцать три года. Старший придворный лекарь тогда ещё был жив, он занимался главным образом королевой. Последние годы почти всё время уходило на государеву ногу.

— Что вы можете сказать о причине смерти?

Орвен посмотрел на Ренна, затем снова на неё.

— Могу показать повреждение, способное её вызвать. Всё остальное потребует оговорок.

— Начнём с повреждения.

Лекарь открыл дверь.

В часовне пахло холодным камнем, воском и влажной тканью. Две свечи горели у низкого возвышения. Остальные подсвечники стояли пустыми, выстроенные вдоль стены; возле них лежали свёрнутые покрывала, приготовленные к ночному обряду.

Король был укрыт до груди.

Жанна остановилась в нескольких шагах. На портрете над библиотечной дверью Эдран смотрел прямо перед собой, подняв подбородок. Здесь голова лежала чуть набок. Тёмные брови резко выделялись на побледневшем лице, а седая щетина делала его старше нарисованного человека. У виска осталась узкая красноватая полоса, плохо стёртая при обмывании.

Леон, должно быть, видел её, когда приходил прощаться.

Жанна отвела взгляд от лица и раскрыла книжку.

— Кто переносил тело?

— Четверо стражников под моим надзором, — ответил Орвен. — Имена капитан знает.

— Переодевали?

— Я и Вейна. Камзол сняли, сорочку разрезали. Всё лежит отдельно. Лицо обмыли. Кисти тоже, но без усердия. Дальше я велел ничего не трогать до осмотра хранительницы.

Он отогнул ткань.

На левой стороне груди, ниже ключицы, темнела узкая рана. Засохшая кровь стянула кожу у её края. Несколько неровных потёков уходили к боку; один оборвался там, где прежде прилегала одежда.

Жанна наклонилась ближе.

Рядом виднелось широкое, ещё плохо различимое пятно ушиба. На плече — ссадина.

— Ударился при падении?

— Возможно. Сравните с тем, что найдёте в комнате.

— Клинок был здесь?

— Да.

Орвен подошёл к боковому столу и развернул свёрток. В нём лежал узкий кинжал со светлой каменной рукоятью. У основания лезвия сохранилась кровь. Нижний край рукояти был неровным, словно от него откололся небольшой кусок.

— Его величества, — сказал Ренн. — Обычно лежал на письменном столе. Он вскрывал им пакеты.

— Кто извлёк нож?

— Я. Когда меня позвали, ещё надеялся помочь.

— Расскажите с того момента, как вошли.

Лекарь сложил края полотна так, чтобы они не касались клинка.

— Король лежал на спине. Капитан был рядом, на коленях. Дыхания я не заметил. Сердца не услышал. Расстегнул одежду, осмотрел рану. Крови снаружи было меньше, чем можно ожидать, но по этому одному судить нельзя.

— Нож мог задеть что-то внутри?

— Мог. Глубина позволяет это предполагать. Без дальнейшего исследования я не назову вам ни повреждённый сосуд, ни точное время смерти.

Жанна записала.

— По ране можно определить, кто держал кинжал?

Орвен поднял глаза.

— Нет.

— Или стоял ли король, когда получил её?

— По одной ране — нет. Положение тела могло меняться. Нужно знать, где он находился и обо что ударился.

Ренн смотрел на светлую рукоять.

— Но клинок вошёл глубоко.

— Да, — сказал лекарь. — Это мы знаем.

Жанна перевернула страницу.

— Мне понадобится рисунок раны. И разрезов на одежде, до того как их будут зашивать или складывать для погребения.

— Я уже начал, — ответил Орвен.

Впервые за разговор его лицо немного смягчилось.

Кисти короля лежали вдоль тела.

На правой, возле мизинца, виднелась тонкая чёрная полоска. Ещё одна проходила по ребру ладони. Жанна указала на них, не прикасаясь.

— Чернила?

— Полагаю, да. Вода их не взяла.

У края большого пальца кожа была повреждена иначе: маленькое покраснение со светлым пузырём.

— Это было раньше?

— На утреннем осмотре я его не заметил. Но кисти тогда специально не рассматривал.

Жанна записала ответ целиком.

На левой руке оставался перстень с печатью. Тяжёлый камень повернулся внутрь, к ладони.

— Его снимали?

— Нет, — сказал Орвен. — Я не позволил.

— Лекарства вчера вы давали лично?

— Перед ужином. Отвар для боли и растирание.

— Средство для сна?

— Не давал.

— То есть не принесли или не видели, как он принял?

Лекарь замолчал.

Жанна ждала.

— Я принёс лоток с несколькими средствами, — сказал он наконец. — Сонный настой там был. Король попросил оставить ему флакон. Я отказал: ему предстояли разговоры, а от этого средства он становился рассеянным.

— Флакон вы унесли?

Орвен посмотрел на свёрток с ножом.

— Мне нужно проверить лоток.

— Проверьте. И до этого, пожалуйста, ничего в нём не переставляйте.

Он кивнул.

— Хотел бы ответить вам увереннее.

— Тогда пришлось бы потом выяснять, на чём держится ваша уверенность.

Орвен коротко вздохнул. На этот раз почти с облегчением.

Жанна закрыла книжку и дождалась, пока он укроет тело. Лицо короля снова осталось единственной открытой частью под белым полотном.

Когда она повернулась к двери, Ренн всё ещё стоял у возвышения.

— Капитан.

Он поднял голову.

— Покажите мне, где вы его нашли.

На дверях малого кабинета висели две печати.

Одна — с королевским деревом, другая — со щитом и башней. Ренн назвал вторую своей.

Жанна осмотрела шнур, воск и места крепления. Следов разрыва она не увидела. Только после этого позволила перерезать шнур.

Дверь стояла криво.

Возле замка дерево было раздроблено. Из косяка вырвали кусок вместе с железной скобой; светлые занозы торчали вокруг тёмных головок гвоздей. Ренн придержал створку, чтобы повреждённый край не заскрёб по полу.

— Чем открывали?

— Железным брусом. Он внутри, у стены. Куски замка тоже сохранили.

— Кто первым вошёл?

— Я. За мной двое солдат. Вейна и принц оставались у двери. Леон потом вошёл, но я попросил его выйти, когда пришёл лекарь.

Жанна остановилась на пороге.

Слева находилось окно в глубокой нише, справа — камин. Письменный стол стоял ближе к дальней стене. Кресло за ним было отодвинуто неровно, одной ножкой зацепившись за край ковра.

На полу возле переднего угла стола темнело пятно. Рядом лежали осколки чаши и стекла.

Воздух пах холодным пеплом и вином.

— После того как короля унесли, кто-нибудь входил?

— Я осмотрел окно и камин. Потом пришёл Северин, наложили печати. До этого я от двери не отходил.

— Значит, сначала запишем всех, кто был здесь до опечатывания. Включая тех, кто переносил тело.

Ренн кивнул.

Жанна сняла плащ и передала его солдату снаружи. Взяла свечу, принесённую для осмотра, и подошла к двери изнутри.

Замок был накладным, тяжёлым, с одной замочной скважиной со стороны кабинета. На наружной стороне двери напротив неё находилась цельная железная пластина.

Жанна вернулась в коридор и проверила сама. Ни отверстия для ключа, ни подвижной заслонки.

— Снаружи его не запереть?

— Только изнутри, — сказал Ренн. — Днём дверь держали на обычной защёлке. Замок король поворачивал, когда хотел остаться один.

Она присела возле обломков.

Ригель остался выдвинут. Вместе с ним из дерева вырвало ответную скобу. На металле были свежие царапины, а на торце — след удара.

— До бруса вы пробовали дверь?

— Я. Вейна дёрнула раньше меня. Принц тоже.

— Она хоть немного подавалась?

— Только в петлях. Вот здесь.

Капитан показал плечом, но не стал толкать створку.

Жанна осмотрела нижнюю щель, петли и пол у порога. На ковре лежали щепки разного размера. Одна, тонкая и длинная, прилипла к засохшей капле крови возле косяка.

Ренн коснулся пореза у уха.

— Это моё. Когда били второй раз, отлетела щепа.

Она внесла пометку.

— Ключ?

Он достал небольшой мешочек.

— В правом кармане камзола. Вейна нашла, когда искали, чем открыть. Я был рядом.

Жанна осмотрела ключ и осторожно вставила его в снятый корпус замка. Повреждённый механизм сдвинулся лишь частично; дальше она давить не стала.

— Подходит, — сказала она. — Но больше не будем его поворачивать. Пусть мастер сначала зарисует всё в том виде, как осталось после взлома.

— Вы сомневаетесь, что было заперто?

— Сейчас вижу, что дверь удерживал ригель, а не заклинившая доска. Это важная разница.

Ренн посмотрел на обломки. Подвинул ногу, чтобы не наступить на одну из щепок.

Окно состояло из двух узких створок. На обеих были задвинуты внутренние шпингалеты.

Жанна попросила Ренна показать, чего он касался ночью. Он указал на нижний запор и край рамы. На пыльном дереве сохранились следы пальцев.

Выше пыль лежала ровной полосой.

Она осмотрела крепления, стёкла, замазку по краям. Затем велела записать положение запоров и только после этого открыла одну створку.

Холодный воздух сразу пошёл по полу.

Ренн придержал свечу подальше от шторы. Жанна наклонилась к подоконнику, не перенося вес за край.

Под окном уходила вниз стена. Ближайший выступ находился гораздо ниже, а до соседнего окна было несколько человеческих ростов. На наружном камне лежал тонкий слой снега; возле самой рамы — старый лёд.

Она не стала называть стену неприступной. В Лиаре ей однажды показывали окно, до которого «невозможно добраться», а потом нашли лестницу у соседа.

Здесь нужно было осмотреть двор и стену снаружи. Но даже человек, сумевший подняться, должен был как-то закрыть за собой внутренние запоры.

— Пришлите двоих с фонарями во двор, — сказала она. — Пусть ничего не затаптывают у стены. Утром посмотрим при дневном свете.

Ренн распорядился через дверь.

Камин оказался неглубоким. Выше закопчённого свода дым уходил в узкий канал, пересечённый железной связью. Жанна посветила туда, затем попросила кочергу и осторожно проверила крепление. Железо было вмуровано в кладку; вокруг не обнаружилось ни свежей крошки, ни сдвинутых камней.

В такой проход едва пролезла бы рука по локоть.

Она обошла комнату вдоль стен. За занавесью оказалась кладка, за шкафом — старые потёки сырости. Деревянные панели не скрывали ни створок, ни видимых петель. Ренн принёс из соседнего помещения схему этого крыла, хранившуюся у караула: за дальней стеной проходила лестница, за боковой находилась столовая.

— Кладку ещё проверят, — сказала Жанна. — Но пока у нас один обычный вход. Через дверь.

— Которую заперли изнутри.

— Да.

Она повернулась к столу.

Комната стала казаться теснее.

— Теперь покажите, как он лежал.

Ренн подошёл к пятну и опустился на одно колено. Указал место головы, плеч и согнутой руки.

— Лицом вниз. Немного на боку. Правая рука здесь, левая под ним.

— До того, как вы коснулись?

— Да.

— Орвен застал его на спине.

— Я перевернул. Хотел понять, дышит ли он.

Жанна нарисовала оба положения на разных страницах.

— Кресло двигали?

— Оттащил немного, чтобы встать на колени.

— Стол?

— Нет.

Возле пятна блестела маленькая пуговица. Ренн показал манжету: одной не хватало.

— Зацепилась, когда поднимал его за плечо.

Жанна обозначила пуговицу на рисунке. Потом присела у края стола.

На нижнем деревянном ребре была свежая вмятина. Тёмная поверхность содрана до светлой древесины; в сколе застряла белёсая крупинка.

Она поднесла свечу ближе.

— Принесите маленькие щипчики и чистую коробку. Эту часть стола пока не трогать.

— Рукоять? — спросил Ренн.

— Возможно. У ножа повреждён нижний край. Нужно сравнить, а не запоминать сходство на глаз.

Он посмотрел на место, где показывал голову короля.

— Значит, нож ударился о стол.

— Если это его осколок — да. Но мы ещё не знаем, когда и в каком положении находился клинок.

Жанна выпрямилась. На колене осталось влажное пятно от ковра. Она только сейчас почувствовала, как затекла нога.

Вместо готового ответа комната давала ей последовательность действий, часть которых уже стёрли: повернули тело, сдвинули кресло, сняли одежду. Каждый раз по понятной причине.

Она попросила Ренна ещё раз назвать порядок.

На этот раз он говорил медленнее. Один раз поправился. Жанна зачеркнула прежнее слово так, чтобы его можно было прочитать, и записала новое рядом.

На письменном столе лежал лист с обращением:

«Сыну моему».

Ниже расплылась большая клякса.

Справа стояла открытая чернильница. Перо лежало поперёк подставки, засохшим концом к письму. У нижнего края листа виднелся смазанный отпечаток руки.

— Это было здесь, когда вы вошли?

Ренн подошёл, не касаясь стола.

— Да. И раньше, когда я докладывал о карауле.

— Вы видели, как король писал?

— Нет. Слова уже были. Потом он попробовал взять перо, но не удержал. Попросил прислать Лорана.

Жанна посмотрела на ровное обращение и кляксу под ним.

То, что рука отказала позже, ещё не означало, что несколькими минутами раньше король не мог написать два слова.

— Лоран пришёл?

— Я передал просьбу. Сам секретарь был у Северина. Его нужно спросить.

— Спросим. А рядом не было черновика?

Ренн нахмурился.

— Был ещё один лист. Когда я приходил до смерти.

Теперь возле письма лежала только подставка для пера.

Жанна отметила и это, не предлагая объяснения. Лист могли переложить до смерти, после неё или убрать вместе с другими бумагами. Ей понадобится человек, который ведал королевским столом.

Дорожный футляр стоял открытым.

Внутри ничего не было, кроме короткой синей нити у петли. На подкладке остался прямоугольный след от сложенной бумаги. Рядом, в серебряном подносе, лежал пепел с несколькими более плотными обгорелыми кусочками.

Жанна закрыла дверь, чтобы сквозняк не унёс остатки.

— Поднос накроем чистой тканью. Пепел не высыпать, даже если кажется, что там уже нечего читать.

Ренн позвал солдата.

Четыре свечи на столе были погашены. Две длиннее, две заметно короче. На всех потемнели фитили.

Жанна зарисовала, где стояла каждая.

Вейна пришла, когда заканчивали осмотр.

Остановилась у двери с покрывалом на локте. Её взгляд задержался на пустом футляре, затем перешёл к подносу.

— Госпожа Ровель. Лорд-регент спрашивает, скоро ли вы закончите.

— Здесь — скоро. Вы приносили свечи вчера вечером?

— Да.

— Покажите от двери, куда прошли. Пока ничего не передвигайте.

Вейна вошла и остановилась у ближнего края стола.

— Поставила здесь. Две свечи уже горели, я принесла ещё две.

— Зажгли обе?

— Да.

— Вино тоже принесли вы?

— Сладкое, горячее. На том же подносе.

Жанна указала на осколки у стола.

— Чаша была цела, когда вы уходили?

— Разумеется.

— Король где находился?

— В кресле. Писал.

— Вы видели перо у него в руке?

Распорядительница посмотрела на неё с неудовольствием.

— Он сидел над бумагой.

— Я спрашиваю именно о пере.

Вейна помолчала.

— Рук я не видела. С этого места стол их закрывает.

Жанна обошла стол и села в кресло, стараясь не сдвинуть его. Затем попросила Вейну остаться там, где та стояла с подносом.

— Моё лицо отсюда видно?

— Нет. Только сбоку, если повернётесь.

— Он повернулся?

— Нет.

Жанна встала.

— Что он сказал?

— «Ступай, Вейна. На сегодня всё».

— Это было до того, как вы зажгли свечи, или после?

— После.

— А когда вы вышли, дверь осталась открытой?

— Я прикрыла её за собой.

— Слышали ключ?

Вейна опустила взгляд на обломки у порога.

— Не помню.

Жанна записала ответ.

— Сколько времени прошло до падения?

— Минут пятнадцать. Я спустилась за чистым бельём, встретила его высочество. Мы вернулись наверх вместе.

— Это время по часам?

— Нет. Я говорю, сколько обычно занимает дорога.

— Понятно. Позже пройдём её ещё раз.

Вейна перевела взгляд на кресло.

— Вы думаете, я не узнала бы человека, которому служила тридцать лет?

Жанна некоторое время смотрела на неё.

— Я записываю, что вы видели и слышали. Вы узнали голос. Лица не видели. Рук — тоже. Если соединить это в слова «король сидел и писал», мы потеряем разницу.

Распорядительница плотнее прижала покрывало к себе.

— Он был жив, когда я ушла.

— Я поняла ваше показание.

Жанна проводила её до двери и попросила оставаться поблизости.

Ренн подошёл к окну.

— Вейна слышала его голос. Через четверть часа принц услышал падение. Потом мы сломали дверь.

— Примерно через четверть часа, — поправила Жанна. — Пока у нас нет точного времени.

Капитан кивнул.

— Но заперто было.

Она посмотрела на ригель среди обломков. На окно, которое только что закрыли в её присутствии. На узкое чёрное отверстие над камином.

— Было.

— Никого, кроме короля, мы здесь не нашли.

Жанна подошла к столу и перевернула страницу книжки.

На одной стороне она уже записала действия тех, кто вошёл после взлома. Теперь на другой перечислила то, что требовалось объяснить до него.

Запертая изнутри дверь.

Ключ в кармане.

Клинок в груди.

Она оставила между строками достаточно места.

За дверью солдат спросил, можно ли вынести железный брус. Ренн ответил, чтобы всё оставили здесь.

Жанна подняла голову.

— Когда вы вошли, вы сразу решили, что ищете убийцу в комнате?

Капитан нахмурился.

— А где ещё?

— Пока не знаю. Но я не хочу заранее ставить его туда, где никто его не видел.

Она закрыла книжку.

Комната была осмотрена. Человек, заперший дверь, лежал в часовне. А места для второго человека в событиях последнего вечера пока не находилось.

Глава III

СЕСТРА КОРОЛЯ

У дверей кабинета их догнал писец с двумя книгами и свёрнутым листом.

Ренн принял бумаги. Жанна раскрыла дорожное распоряжение, придерживая край, который сворачивался обратно.

Гонцу Терену предписывалось доставить запечатанный пакет госпоже Ровель в Арвен. Дата выдачи — девятнадцатое. В караульной книге под тем же числом отмечен выезд до рассвета.

Ниже стояло ещё одно имя.

Марек.

— Кто это? — спросила Жанна.

Ренн наклонился к листу.

— Сопровождающий. По личному распоряжению короля.

— Вы его видели?

— Нет. Я разрешил выезд и выдачу лошадей. У ворот был ночной караул.

Жанна прочла строку до конца. Марек должен был ехать с Тереном до Нижнего брода.

— Вот с него и начнём. Пусть караульные опишут обоих. И проверьте возвращавшихся — по имени и по приметам. Человек, который привёз мне письмо, мог приехать обратно.

Ренн подозвал писца и повторил поручение.

— Не только эту книгу, — добавила Жанна. — Все записи о въезде с двадцать шестого числа.

Писец кивнул.

Она смотрела вслед ему, пока он не скрылся за поворотом. Загадка письма стала немного уже: на дороге с самого начала находились двое. Теперь следовало выяснить, кто из них доехал до гостиницы.

— Мне нужно поговорить с Аделой, — сказала она. — А после — с хранительницей. Если найдёте Лорана, попросите его отдельно записать, приходил ли он вчера к королю и что произошло у двери.

— Сказать ему про письмо на столе?

— Пока нет. Пусть сначала расскажет сам.

Ренн передал книги солдату, стоявшему у кабинета.

— Я буду поблизости.

Комнаты Аделы находились над зимним садом.

На лестнице пахло влажной землёй. Вдоль стены стояли горшки, укутанные соломой; у одного из них кто-то оставил ножницы и обрывки бечёвки. Из-за приоткрытой двери доносился сухой частый стук.

Адела раскалывала орехи.

Скорлупу складывала в миску, ядра — на салфетку. При виде Жанны она не поднялась, но сдвинула ногой корзинку, освобождая место возле кресла.

— Входите. Если пришли арестовывать, дайте хотя бы закончить. Скорлупа потом будет повсюду.

— Пока пришла поговорить.

— Тогда вам повезло больше, чем мне. Садитесь.

Жанна закрыла дверь.

В комнате было тепло. На подоконнике тянулись к стеклу тонкие побеги, рядом лежала раскрытая книга с рисунками больных ветвей. С тёмного платья Аделы исчезла придворная строгость: она расстегнула ворот и закатала рукава. На манжете засохла полоска земли.

Королевская сестра заметила её взгляд.

— Лимонное дерево решило умереть раньше брата. Всё утро убеждала его подождать.

Она посмотрела на орех в щипцах. Не стала раскалывать.

Жанна села.

Адела подвинула салфетку с ядрами.

— Угощайтесь. Эти проверены. Всё подозрительное в миске.

— Полезная привычка.

— Для двора неудобная. Мисок не хватит.

Жанна невольно улыбнулась. После часовни и холодного кабинета здесь хотелось задержаться, согреть руки и несколько минут разговаривать о лимонном дереве.

Она открыла книжку.

— Вчера вы были у короля после смены караула.

— Да.

— Он сам назначил встречу?

— Велел прийти вечером.

— Около какого часа?

— После девяти. Но я не смотрела на часы. Ренн наверняка знает точнее.

— Ренн видел, как вы вошли. Когда вы ушли, он не видел.

Адела расколола орех.

— Это вы сказали с таким выражением, словно я до сих пор там.

— Я выясняю время.

— Понимаю. Мы разговаривали недолго. Дольше, чем мне хотелось, короче, чем следовало.

Жанна не опустила глаз к книжке.

Адела посмотрела на неё и отложила щипцы.

— Четверть часа. Возможно, немного больше.

— Благодарю. О чём был разговор?

— О семье.

— О браке Леона?

— И о нём тоже. Бедная девушка ещё не стала нашей родственницей, а мы уже успели сделать её причиной трёх ссор.

— Принц против брака?

— Против того, чтобы узнать о собственной помолвке после переписчиков. У него на редкость умеренные требования.

— А король?

— Король считал, что сыну предлагают хорошую жизнь. Он вообще любил предлагать людям готовую жизнь. Так быстрее.

Жанна записала последнюю фразу.

— Вы спорили?

Адела проследила за движением пера.

— У нас с братом разговор редко обходился без этого.

— Он угрожал вам?

Улыбка исчезла не сразу, словно Адела ещё решала, можно ли превратить вопрос в шутку.

— Предлагал быть осторожнее.

— С чем?

— Со словами.

— Какие слова ему не понравились?

Королевская сестра взяла с салфетки крошку и стряхнула её в миску.

— Я сказала, что некоторые вещи ему следовало сделать раньше.

— Какие вещи?

Адела помолчала.

За стеной зашуршало, затем что-то негромко царапнуло стекло. Жанна повернула голову. В соседней комнате виднелись ветви лавра и большая пустая клетка.

— Птицу выпустили? — спросила она.

— Сидит за шкафом. Обиделась на перемену комнаты.

— За что переместили?

— Стала слишком хорошо повторять Северина. Я не выдержала двух.

Жанна снова улыбнулась, но книгу не закрыла.

— Так что королю следовало сделать раньше?

Адела посмотрела на неё с новым интересом.

— Вас трудно отвлечь.

— Пока получается. Вы успели рассказать мне о дереве, помолвке и птице. Я всё ещё не знаю, зачем брат позвал вас вчера.

Несколько мгновений Адела молчала. Затем убрала миску со скорлупой.

— Он хотел поговорить о вашем приезде.

Жанна положила перо поперёк книжки.

— Вы знали обо мне до вчерашнего вечера?

— При дворе трудно не узнать о приглашённом человеке.

— Это не то, о чём я спросила.

Адела чуть склонила голову.

— Да. Знала.

— От кого?

— От брата. Он собирал сведения о вашей работе.

— О каких делах?

— Я не перебирала его бумаги.

— Но знали, что они есть.

— Да.

Слишком легко было принять последнюю прямоту за откровенность. Жанна отметила: Адела признала только то, что можно было спросить у секретаря.

— Что он хотел от вас вчера?

— Объяснений.

— По поводу меня?

— По поводу того, что я ему говорила.

— И что вы говорили?

Адела отвела взгляд к окну.

— Что чужие беды не перестают существовать, если распоряжение об их рассмотрении лежит под другой бумагой.

На этот раз Жанна услышала в её голосе усталость. Почти ту же, что в голосе Леона возле камина.

— Ваш брат поручил мне разобраться в старом деле. Вы знаете, в каком?

— Он многим был должен объяснение.

— Назовите хотя бы одного человека.

Королевская сестра сцепила пальцы. На указательном было узкое серебряное кольцо, защищавшее кожу при работе с колючими стеблями.

— Моя невестка пыталась говорить с ним годами, — сказала она. — Он всегда находил причину подождать. До весны. До возвращения посланника. Пока мальчик подрастёт. Вчера впервые мне показалось, что он понимает, сколько времени прошло.

Жанна не стала сразу заполнять паузу вопросом.

В соседней комнате птица дважды стукнула клювом по дереву.

— Он показывал вам документы? — спросила она наконец.

Адела подняла глаза.

— Часть.

— Из кожаного футляра?

— Да.

— Вы что-нибудь унесли?

— Нет.

— Сожгли?

— Нет.

— Видели, как что-нибудь сжигал он?

— При мне — не сжигал.

Жанна записала ответы отдельно.

— Мне понадобится ещё один разговор с вами. Когда прочту сохранившиеся бумаги.

Адела посмотрела на книжку.

— Вы уже решили, что я лгу?

— Вы выбираете, какую часть ответа дать. Мне пока неизвестно почему.

— Возможно, я не хочу обсуждать всю жизнь семьи с человеком, которого встретила несколько часов назад.

— Это понятно. Но часть этой жизни закончилась вчера за запертой дверью. Я должна выяснить, какая именно.

Адела не ответила.

Жанна подождала, затем вернулась к последним минутам визита. Король остался возле стола. Кинжал лежал справа от бумаг — Адела помнила светлую рукоять. Выходя, она прикрыла дверь. Ключа не слышала. В коридоре никого не встретила.

Каждый ответ Жанна прочла вслух, прежде чем закрыть книжку.

— Так?

— Так.

Адела подала ей небольшую горсть орехов в бумажном свёртке.

— Возьмите. Вы всё равно забудете поужинать.

Жанне захотелось отказаться. Потом она поняла, что отказывает не в орехах, а в праве собеседницы ей нравиться.

— Спасибо.

У двери Адела окликнула её.

— Когда услышите ответ, посмотрите не только на того, кого назовут.

Жанна обернулась.

— Вы уверены, что прозвучит имя?

Пальцы Аделы замерли на краю салфетки.

— Леон собирается спросить имя убийцы.

— Собирается.

— Тогда посмотрите на остальных. Названный будет занят собой.

Жанна кивнула. Совет она записала уже в коридоре, вместе с вопросом, на который так и не получила ясного ответа: какие документы король показал сестре.

Внизу готовили часовню.

Слуги вынесли скамьи, оставив несколько у стены. Возле двери стоял открытый деревянный ящик с железными углами. На полу рядом лежали семь узких пластин, каменная чаша и моток белой нити.

Жанна заметила Ильву не сразу.

Хранительница стояла за возвышением, где лежал король, и поначалу казалась частью тёмной стены. Серая одежда, седая коса на плече, неподвижные руки. Она смотрела в пространство над лицом Эдрана, чуть выше того места, куда смотрели бы на живого человека.

Один из слуг уронил подсвечник.

Удар был коротким, но звон продолжился. Тонкий, ровный, он держался под сводом дольше, чем должен был.

Ильва повернула голову.

Мальчик отступил от упавшей вещи, даже не пытаясь поднять её.

Хранительница положила два пальца на край каменного возвышения.

Звон оборвался.

Жанна почувствовала холод на запястьях. Дверь оставалась закрытой.

— Оставьте нас, — сказала Ильва.

Она не повысила голоса. Однако из дальнего угла ответили сразу, словно слова прозвучали рядом с ухом.

Слуги вышли. Последний перекрестил пальцы на груди, прежде чем потянуть дверь на себя.

— Госпожа Ровель, — произнесла хранительница.

Жанна подошла ближе.

У Ильвы было узкое лицо и светлые глаза с почти бесцветными ресницами. Когда она смотрела прямо, трудно было понять, сосредоточена ли она на собеседнице или прислушивается к чему-то за её плечом.

— Мне нужно знать, что здесь произойдёт, — сказала Жанна.

— Тогда помогите поставить чашу.

Камень оказался неожиданно холодным.

Жанна перенесла чашу к изголовью и опустила на сложенное полотно. Вода внутри едва заметно дрогнула. Ильва выждала, пока поверхность успокоится, затем передвинула чашу на ширину пальца.

— Зачем она?

— По воде я вижу, удерживается ли голос.

— Сейчас?

— Сейчас здесь ещё некому отвечать.

Ильва взяла одну из железных пластин и положила на пол у возвышения. На металле виднелись мелкие насечки. Жанна приняла их за письмена, но приглядевшись заметила, что часть шла поверх старых царапин.

— Что вы возвращаете? Самого человека?

Хранительница развернула вторую пластину.

— Голос. То, что ещё можно вызвать возле тела. Если вам скажут, что мы возвращаем человека, спросите, почему его потом всё равно хоронят.

Жанна посмотрела на лицо короля.

— Он узнает тех, кто будет здесь?

— Может узнать обращение. Может вспомнить того, кто спрашивает. Но разговора, как между нами сейчас, не получится.

Ильва протянула ей моток.

— Держите. Я буду разматывать.

Белая нить легла между пластинами. Хранительница не натягивала её; кое-где она свободно касалась камня.

— Один вопрос? — спросила Жанна.

— Один.

— Если ответ непонятен, уточнить нельзя?

— После ответа удерживать уже нечего. Иногда голос исчезает раньше, чем человек заканчивает фразу.

— Можно спросить сразу о двух вещах?

Ильва подняла глаза.

— Можно. Тогда вы не узнаете, на какую получили ответ. Или не получите никакого. Я предупреждала Леона.

— А повторить попытку другой ночью?

— Нет. И другой хранитель не поможет.

Жанна перевела взгляд на ящик. Внутри лежали запасные свечи, ткань, ножницы. Ничего, что могло бы сохранить услышанное или вернуть его по желанию.

— Вы будете говорить за него?

— Нет. Вы услышите его голос. Я удерживаю, спрашивает другой человек.

— Почему Леон?

— Он сын. И пожелал сам. Но это обычай, не условие обряда. Вопрос могли бы задать и вы.

Нить кончилась раньше, чем Ильва дошла до последней пластины. Она достала второй моток и соединила концы небольшим узлом.

Жанна наблюдала за её пальцами. На большом был старый шрам, белый и гладкий. Только сейчас она заметила, что рука хранительницы слегка дрожит от напряжения.

— Все ждут, что король назовёт убийцу, — сказала она.

— Я слышала.

— Он может солгать?

Ильва закончила узел.

— Намеренно — нет.

— Значит, названный человек и будет виновен?

Хранительница выпрямилась.

— Не обязательно.

Жанна опустила моток.

Ильва посмотрела на неё уже без той рассеянности, с которой встретила.

— Смерть не даёт человеку новых знаний. Он ответит тем, что считал правдой. Если при жизни он ошибался, после смерти некому будет его поправить.

Некоторое времяЖанна слышала только собственное дыхание.

Слова были ясными. Тем труднее оказалось примирить их с уверенностью, с которой в библиотеке говорили о будущем ответе.

— Вы объяснили это принцу?

— Утром.

— И Северину?

— В его присутствии.

Жанна убрала моток в ящик.

— Перед вопросом скажите ещё раз. Чтобы слышали все. Я попрошу секретаря записать ваши слова.

Ильва посмотрела на закрытую дверь.

— Обычно записывают только ответ.

— Сегодня нужно записать и предел того, что он доказывает.

Хранительница помолчала, затем кивнула.

За дверью прошли люди. Жанна различила голос Ренна, спросившего, куда принесли свечи.

Она почувствовала облегчение от этого обычного звука и рассердилась на себя за него.

Ильва открыла ящик, чтобы достать ткань для последней пластины.

— При королеве вы уже служили здесь? — спросила Жанна.

Рука хранительницы остановилась.

— Да.

— Её тоже вопрошали?

— Нет.

— Она умерла слишком далеко от вас?

— Я находилась в крепости.

Жанна ждала.

Ильва сложила ткань вдвое.

— Эдран запретил обряд.

— Почему?

— Мне сообщили, что семья желает проститься без свидетелей.

— Это объяснение или приказ?

Хранительница посмотрела на неё.

— Тогда я приняла одно за другое.

Жанна записала её слова.

Вода в чаше оставалась неподвижной. Только отражённый свет свечи слегка вытянулся, хотя само пламя горело ровно.

Она отвела взгляд.

— Я вернусь до начала.

— Не стойте между пластинами, когда войдёте, — сказала Ильва. — И предупредите остальных.

На пороге Жанна оглянулась. Хранительница снова смотрела чуть выше лица короля. На этот раз её губы двигались, но слов не было слышно.

Мара ждала у лестницы.

Сухие башмаки были ей велики. Девушка поджимала пальцы при каждом шаге, чтобы обувь не соскальзывала с пяток.

— Вам принесли ужин, госпожа.

— Спасибо. Сейчас поднимусь.

Мара осталась на месте.

— Что-то ещё?

Она посмотрела на дверь часовни.

— После обряда нас отпустят?

— Кого?

— Тех, кто прислуживал наверху. Капитан велел не выходить из крепости. У меня письмо матери. Вернее… Я хотела написать.

— Можно передать с почтой.

— Мне сказали, сейчас не до писем.

Жанна подумала о своей записке, оставленной на станции. Серхио хотя бы знал, куда она едет и почему может задержаться.

— Я попрошу капитана. Где живёт ваша мать?

— В Лиаре. Селла Вард. У Нижнего моста, в доме белильщицы. Там её знают.

Жанна записала адрес.

— Давайте письмо.

Мара опустила голову.

— Я не умею писать.

— Тогда продиктуйте.

Они подошли к широкому подоконнику возле светильника. Жанна достала чистый лист и попросила принести чернила.

Мара диктовала медленно: она здорова, ест хорошо, жалованье обещали выдать вовремя. Пока приехать не может. Пусть мать не тревожится, когда услышит новости из крепости.

На последней фразе девушка замялась.

— Так и написать? — спросила Жанна.

— Да. И что я её помню.

Жанна подняла глаза.

— «Помню» или «скучаю»?

— Помню.

Она написала, как попросили.

Затем прочла всё вслух. Мара слушала, глядя на лист. Когда Жанна дошла до конца, девушка попросила добавить: «Твоя дочь».

— Мать прочитает сама?

— Ей помогут.

Жанна подождала, пока подсохнут чернила.

— У вас маленькие буквы, — сказала Мара.

— Бумага в дороге заканчивается быстрее, чем вопросы.

Девушка улыбнулась.

— У короля были большие.

Жанна перестала складывать лист.

— Вы видели, как он писал?

— Нет. На карточке. В вашей комнате.

— Почему вы решили, что её написал король?

— Госпожа Вейна сказала положить королевское приветствие возле подноса.

— Именно «королевское приветствие»?

Мара нахмурилась, припоминая.

— Кажется. Она говорила быстро. Там ещё бельё нужно было разнести.

Жанна посмотрела на её сухие, слишком большие башмаки. Ей хотелось отпустить девушку ужинать и самой наконец сесть возле огня.

— Когда Вейна дала вам карточку?

— Сегодня, до вашего приезда.

— Хорошо. Письмо я передам Ренну.

Мара тихо поблагодарила её.

Когда девушка ушла, Жанна записала отдельно её слова о приветствии. Имя автора она не указала: Мара не видела, кто писал карточку.

Ужин накрыли возле камина.

Жанна положила рядом свёрток Аделы и съела несколько орехов, пока остывал суп. Карточка оставалась на прежнем месте.

Она придвинула её к свету.

«Госпоже Жанне. Добро пожаловать в Вейр».

Сильный нажим, широкие буквы, маленький надрыв в начале имени.

Жанна достала приглашение. Разложила листы рядом, оставив между ними достаточно места, чтобы не перепутать, какой сравнивает с каким.

В одном документе слова тянулись ровнее, в другом нажим часто менялся. Но письма писали в разное время, разными перьями. Она уже видела руку короля и знала о дрожи. Этого было недостаточно, чтобы уверенно назвать карточку поддельной.

Она только отметила несколько букв для сравнения с другими образцами.

В дверь постучали.

Ренн принёс запись Лорана. Жанна передала ему письмо для Селлы, попросив отправить с первой почтой, и освободила место на столе.

Секретарь писал мелко и аккуратно. Просьбу прийти к королю ему передали, когда он разбирал с Северином брачный договор. Освободившись, он поднялся к кабинету и постучал. Дверь оставалась закрытой.

«Сегодня не нужно. Утром, Лоран».

Эти слова секретарь записал отдельно, как прямую речь.

— Он видел короля? — спросила Жанна.

— Нет. Говорил через дверь.

— Отмечено, по чему он определил время?

Ренн указал на строку: перед подъёмом Лоран слышал колокол смены кухонной прислуги.

— Проверим и это, — сказала Жанна. — Теперь у нас два человека, узнавших голос, но не видевших лица.

Капитан посмотрел на карточку.

— А здесь что?

— Приветствие, которое мне оставили. Мне нужны несколько старых писем короля. И человек, который видел, как появилась эта карточка.

— Вы думаете, её написал кто-то другой?

— Это пока даже не обязательно обман. За короля могли написать по его поручению. Сначала выясним, чьи это слова и чья рука.

Ренн кивнул.

Жанна попросила его передать Лорану ещё одно поручение: перед вопрошанием записать объяснение Ильвы целиком.

— Она согласилась?

— Да.

— Северин может возразить.

— Тогда пусть его возражение тоже попадёт в запись.

Внизу ударил колокол.

Ренн повернулся к двери. Жанна убрала бумаги в обложку, карточку — отдельно. Письмо Серхио осталось в сумке: она коснулась её застёжки и проверила, закрыта ли та.

До полуночи больше никого не успеть расспросить.

У лестницы уже собирались люди.

Леон стоял рядом с Северином. На его плече лежала узкая чёрная лента, которой не было в библиотеке. Он разглаживал край большим пальцем и, кажется, не замечал этого.

Адела вышла из бокового коридора. Увидев Жанну, чуть приподняла бровь, но ничего не сказала.

Вейна ждала у перил с покрывалом в руках.

Жанна остановилась рядом.

— Кто приготовил приветственную карточку для моей комнаты?

Распорядительница повернула голову.

— Какую карточку?

— «Добро пожаловать в Вейр». Мара положила её возле подноса.

Внизу позвали капитана. Ренн сделал несколько шагов по лестнице и остановился, ожидая Жанну.

— Я распорядилась приготовить комнату и еду, — сказала Вейна. — Карточек я ей не давала.

— Она сказала, что получила её от вас.

— Значит, вы неверно поняли.

Жанна выдержала её взгляд.

Из часовни донёсся тот самый тонкий звон. Разговоры на лестнице стихли один за другим.

Вейна прижала покрывало к груди.

Жанна посмотрела вниз, туда, где свет из открытых дверей ложился на каменные ступени. Внутри их ждал человек, которого уже нельзя было переспросить.

Она закрыла обложку с письмами и начала спускаться.

Глава IV

Один вопрос

На последней ступени Жанна остановилась, пропуская Вейну.

— Мы ещё вернёмся к карточке.

Распорядительница ничего не ответила. Край покрывала зацепился за выступ в камне; она осторожно высвободила ткань и вошла в часовню.

Теперь здесь пахло горячим воском.

Семь подсвечников окружали погребальное возвышение. Между железными пластинами лежала белая нить — та самая, которую Ильва раскладывала несколько часов назад. Узел возле изголовья был отчётливо виден на тёмном полу. Жанна почему-то обрадовалась ему: обыкновенный узел, завязанный обыкновенными пальцами.

Она знала, что это ненадолго поможет.

Король лежал под полотном, открывавшим лицо и кисти рук. Перстень на левой руке повернулся камнем к телу. Жанна помнила его положение, когда осматривала покойного, и спросила Орвена, кто перекладывал руки.

— Я. Когда меняли ткань.

Он произнёс это вполголоса, без раздражения. Под глазами у лекаря залегли тени; на манжете засохло пятнышко воска.

Леон стоял у ног отца. Вейна подошла, поправила чёрную ленту на его плече, но он даже не посмотрел на неё.

У дальней стены Лоран раскладывал письменные принадлежности на узком столике. При свечах секретарь оказался моложе, чем представляла Жанна: худой, с длинным носом и мягким подбородком, над которым он, вероятно, усердно работал бритвой каждое утро. Пальцы были перепачканы чернилами. Он придерживал чистый лист левым локтем, словно боялся, что кто-нибудь отнимет его раньше времени.

Северин встал рядом.

— Запись должна содержать вопрос и ответ, — сказал он.

— И объяснение хранительницы, — напомнила Жанна.

Регент повернул к ней голову.

— Мы все знаем порядок.

— Тогда запись не задержит нас надолго.

Ильва подняла глаза от чаши.

— Записывайте, Лоран.

Секретарь посмотрел на Северина. Тот помедлил и отодвинул край своей одежды от столика.

Ильва дождалась, пока перо коснётся бумаги.

— Голос удерживается один раз. Вопрос задаёт один человек. После ответа второго вопроса не будет. Если ответ оборвётся, продолжить его я не смогу.

Лоран писал быстро. Скрип пера казался слишком громким.

— Умерший отвечает из того, что знал при жизни. Нового знания смерть не даёт. Он не может намеренно солгать. Но если был обманут, ответит, веря обману.

Перо остановилось.

— Последнюю фразу тоже, — сказала Ильва.

Лоран дописал.

Жанна взглянула на Леона. Тот слушал, глядя на руки отца.

— Кто будет спрашивать? — произнесла хранительница.

— Я.

— Остальные молчат до конца. Не зовите его. Не договаривайте за него. Не пытайтесь заставить его посмотреть на вас.

У двери Мара переставила корзину со свечами из одной руки в другую. Адела стояла чуть поодаль, возле колонны. Сняв привычные украшения, она стала неожиданно похожа на брата: тот же тяжёлый изгиб бровей, та же складка у рта. Только руки не находили покоя. Большой палец всё время поворачивал узкое серебряное кольцо.

Ренн проверил боковой проход и поставил туда стражника. Второй остался у входа.

Жанна положила обложку с бумагами на свободный край столика Лорана. Приветственная карточка лежала между двумя чистыми листами, отдельно от приглашения. Секретарь подвинул чернильницу, освобождая ей место.

— Не убирайте, пожалуйста.

Он кивнул.

Жанна подошла к наследнику.

— Вы хотите спросить, кто его убил?

Леон посмотрел на неё.

— Да.

— Можно спросить, что произошло перед смертью. Это может дать нам больше, чем имя.

— А если он расскажет, как падал?

— Возможно. Но имя тоже придётся проверять.

Наследник снова повернулся к отцу. На щеке у него виднелся маленький порез от бритвы. Совсем свежий, утренний. Жанна невольно представила, как он стоял перед зеркалом, пока за дверью ожидали люди с документами и чужими решениями.

— Я хочу знать, кого он назовёт, — сказал Леон. Потом добавил тише: — И услышать его голос.

Жанна не стала спорить дальше.

— Тогда после ответа дайте нам время разобраться в нём.

Он ничего не обещал.

Двери закрыли.

Не хлопнули — стражник придержал тяжёлую створку до самого конца. Щелчок защёлки прозвучал отчётливо, и Жанна заметила, как Орвен невольно обернулся.

Ильва проверила нить. Возле изголовья присела, поправила узел и поднялась, опираясь ладонью на камень. Когда она выпрямилась, лицо её на мгновение исказилось от боли в пояснице.

Потом она положила два пальца на край чаши.

Вода была неподвижна.

Жанна слышала, как кто-то рядом сглотнул. Чувствовала холод каменного пола сквозь подошвы. У дальней стены чадила свеча; тонкая струйка дыма поднималась к потолку и исчезала там, где кончался свет.

Всё оставалось обычным так долго, что ожидание сделалось почти неловким.

Ильва склонила голову.

Её губы двигались. Слов Жанна не различала.

Сначала пропал звук капающей воды за стеной.

Жанна слышала его с самого прихода — редкие капли в каком-то водостоке. Теперь между ними образовалась слишком длинная пауза. Она успела подумать об этом, прежде чем поняла: не слышно и потрескивания фитиля.

Пламя продолжало гореть.

Лоран медленно отложил перо. Оно коснулось дерева беззвучно.

Жанна почувствовала толчок собственного сердца.

Король лежал неподвижно. Грудь под полотном не поднималась. На виске всё так же темнела полоска седых волос, которую не пригладили после омовения.

В чаше появилась рябь.

Один круг, затем другой — от середины к краю. На поверхности не было ни капли, ни пальца. Ильва держала руки над водой.

Леон шагнул ближе.

Хранительница подняла ладонь, останавливая его.

Из-под полотна донёсся слабый звук.

Не вздох. Скорее начало слова, для которого не хватило воздуха. Жанна смотрела на грудь покойного и ждала движения, но ткань оставалась совершенно ровной.

Потом она услышала, как король прочистил горло.

Обыкновенно, с лёгким нетерпением.

Адела зажала рот рукой.

Вот это и было страшнее всего. Не чудовищный голос и не искажённое лицо. Маленькая привычка живого человека, которая вдруг вернулась к телу, уже не способному дышать.

Ильва посмотрела на Леона.

Он стоял с приоткрытым ртом. Несколько мгновений Жанна боялась, что он забудет вопрос и просто позовёт отца.

Наследник выпрямился.

— Кто тебя убил?

После этих слов снова стало тихо.

Жанна заметила, что сжимает край рукава. Разжала пальцы. Взглянула на Ильву: та была белее полотна, но глаза оставались открытыми.

Губы короля чуть разошлись.

— Жанна.

О

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.